Текст · 27 октября 2021, 07:10
Елизавета Нестерова,

В белом шарфе. На митинге Глеб Марьясов кричал и махал руками, за это его приговорили к 10 месяцам заключения; по иску метро и Мосгортранса он должен выплатить 2,7 млн рублей

Мировой суд в Москве вынес приговор 21-летнему либертарианцу Глебу Марьясову, которого обвиняли в организации «перекрытия дорог» во время митинга 23 января в Москве — он единственный в России, кого судили по этой статье после зимних протестов. Прокурор требовала приговорить активиста к 10 месяцам в колонии — ровно такой приговор и вынесла судья. Московское метро и Мосгортранс подали к нему иски на 2,7 млн рублей — судья без изменений удовлетворила иск. Елизавета Нестерова ходила на все заседания и рассказывает, как шел этот процесс.

23 января Глеб Марьясов был на акции в поддержку Алексея Навального в Москве. Во время задержания, по словам активиста, полицейские ударили его в живот. Тогда он получил 30 суток ареста, большую часть которых провел в печально известном центре временного содержания иностранных граждан в деревне Сахарово в Новой Москве. Но и после 30 суток Марьясов не смог просто поехать домой — его задержали по уголовному делу о перекрытии дорог[1] и отправили под запрет определенных действий[2].

Такие дела в январе возбудили в дюжине регионов России, по ним прошли десятки обысков, но подозреваемыми стали всего несколько активистов, а обвинения предъявили только одному — члену Либертарианской партии России Глебу Марьясову.

Еще в день акции в анонимном телеграм-канале «Товарищ майор» опубликовали видео, на котором похожий на него человек говорит юноше в толпе: «Нужно щас всем просто туда». Это видео и показания свидетелей, видевших, как активист размахивал руками, по версии следствия, доказывают, что именно либертарианец Марьясов был организатором и вдохновителем перекрытия улиц в Москве — и призывал всех к «групповому и сплоченному передвижению граждан на проезжую часть улиц для перекрытия их движения и блокирования транспорта».

Миллионы для Московского метро и Мосгортранса

Процесс над Марьясовым уже полтора месяца идет в судебном участке № 370 Тверского районного суда. 21-летний активист не только единственный обвиняемый по делу о перекрытии дорог в Москве, он еще и единственный, к кому из-за этого предъявили претензии Мосгортранс и Московский метрополитен. Если их гражданские иски удовлетворят, Марьясов, который из-за меры пресечения не может найти нормальную работу, должен будет выплатить больше 2,7 млн рублей.

Первым иск в суде подал метрополитен. Его представитель Дмитрий Молочников пояснил, что с Марьясова необходимо истребовать 1 541 148 рублей, потраченных на оплату труда работников метро в день митинга 23 января. Какое отношение Марьясов имеет к работе метро, юрист организации объяснить в суде не смог. Молочников вышел к свидетельской трибуне со стопкой бумаг — на листах были написаны вопросы прокурора и заранее подготовленные ответы — юрист водил пальцем по строчкам, даже не поднимая глаз на судью Екатерину Казакову.

Дмитрий Захватов и Глеб Марьясов. Фото: Елизавета Нестерова / Медиазона

— Может, потерпевший попробует хоть на один вопрос ответить своими словами? — со смехом вставил адвокат Дмитрий Захватов.

— Ваша честь, это что такое вообще, это его право, почему адвокат себе такое позволяет? — моментально вскочила прокурор Ольга Алаева.

Юрист продолжил читать с листа. Когда ответы на листках закончились, наступила очередь защитника Захватова:

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли к выводу, что денег вам должен именно Марьясов, если метро находится под землей, внизу, а Марьясов был на митинге на улице, наверху?

Представитель потерпевшего долго перебирал свои бумаги, не нашел в них ответа на этот вопрос и утончил у судьи, обязан ли он отвечать. Судья решила, что обязан.

— Не готов отвечать на этот вопрос, не располагаю достаточной информацией, — выдавил из себя представитель метрополитена.

Той же формулировкой он ответил еще на семь вопросов адвоката. Например, не стал пояснять суду, чем отличалась толпа людей после митинга от ежедневного часа пик, после которого никаких исков метрополитен не предъявляет.

— Ваша честь, в завершение хотел бы попросить вас направить судебный запрос. Защита считает необходимым узнать, какова выручка была у метрополитена за сутки 23 января. Для сравнения просим предоставить также информацию о выручке за предыдущую от 23 января субботу и за следующую. Мне кажется, если количество людей в метро увеличилось, так это только увеличило выручку метро, они же не бесплатно катают людей, — подытожил Захватов. Но суд запрос так и не отправил.

Через несколько дней уже Мосгортранс подал к Марьясову иск на 1 165 852 рубля — из-за не вышедших 23 января на маршруты автобусов. Как сказано в иске, из-за демонстраций «предприятию были причинены убытки путем простоя, задержки движения (потери рейсов) транспортных средств». В суде представительница Мосгортранса Наталья Гусева пояснила, что организация была вынуждена

предоставить московской полиции несколько автобусов для перекрытия движения.

— Так если у вас автобусы одолжила полиция, может, с них попросить денег? — уточнил адвокат Захватов.

— Полиции мы обязаны предоставлять наши транспортные средства по запросу, отказаться мы не можем. А вот если бы эти не ходили на незаконные митинги, этой всей ситуации вообще бы не было, — парировала Гусева.

Адвокат Захватов попросил суд затребовать и у Мосгортранса дополнительную информацию о доходах и убытках организации. В ответ представительница организации вспомнила, судя по всему, суды после протестов лета 2019 года в Москве — тогда самые разные ведомства и фирмы подавали многомиллионные иски к тем, кого полиции считала организаторами акций.

— Не понимаю, чего хочет адвокат, — сказала Гусева. — Мы уже подавали расчеты в суды после митингов этого Навального, было достаточно, все суды такие иски удовлетворяли.

Работа и венчание под запретом действий

«Как учеба началась, работать стало совсем невозможно из-за запретов», — рассказывает Глеб Марьясов перед очередным заседанием.

Этим летом, пока шло следствие по делу о перекрытии дорог, Марьясов поступил в РГГУ на

факультет архивного дела. Уже больше 8 месяцев активист под запретом определенных действий: ему нельзя покидать квартиру с 20:00 до 8:00, пользоваться почтой, телефоном, интернетом и участвовать в массовых мероприятиях. Из-за запрета на телефон и интернет, Марьясов несколько месяцев не мог найти работу — почти на все вакансии сейчас можно откликнуться только по телефону или по электронной почте.

Работодателей обзванивали друзья Глеба, они же взяли на себя сборы средств на оплату съемной квартиры, пока их друг был без работы. Марьясов родился в сибирском селе Байкит, в Москву приехал из Красноярска, где был волонтером за Навального, его не раз задерживали местные силовики.

Сейчас Глеб работает, но не полный день: «Не хотел бы называть компанию, а то еще уволят. Но работа там посменная — можно взять длинную смену, с утра и до вечера, но я не успеваю к началу, мне можно из дома только в 8 утра выходить. И домой с такой сменой не могу до 20 часов вернуться. Приходится брать короткие смены, а это меньше денег».

Когда начался учебный год, на работу времени не осталось совсем. Он просил суд даже освободить его от обязанности посещать заседания, поскольку «заседания проходят как раз в учебные часы». Но прокурор Алаева резко выступила против, поскольку «отсутствие подсудимого грозит нарушением его прав и свобод», а судья ходатайство отклонила.

«Это тяжело, у меня же еще кредиты, мы только начали их выплачивать потихоньку», — говорил Марьясов, узнав о первом иске от метрополитена.

Мы — это Глеб Марьясов и его супруга Мария. Молодые люди поженились в июле, а в начале октября венчались в англиканской церкви Святого Андрея. В других христианских храмах, говорит Глеб, их венчать бы не стали из-за разности конфессий: он протестант, Мария — панентеистка.

«Даты и свадьбы и венчания у нас знаковые получились, — улыбается Марьясов. — Поженились мы 4 июля, в День независимости США, а венчались 9 октября, в день рождения Бориса Немцова».

Глеб Марьясов и его супруга Мария во время венчания. Фото из семейного архива

В белом шарфе размахивал руками

Защита решила не вызывать в суд ни одного свидетеля, как объяснял адвокат Дмитрий Захватов, потому что «не о чем свидетельствовать». А вот прокуратура себя не ограничивала: в качестве свидетелей обвинения в суд приводили водителей автобусов, технических специалистов, сотрудников ОМОН и ДПС. И всего двух демонстрантов.

Процесс начался с допроса восьми водителей автобусов, их показания были похожи до степени

смешения, отвечали мужчины односложно: работали 23 января в центре Москвы, видели толпу, действия толпы — скандирование лозунга «Свободу Навальному» — вызывали у них страх. Марьясова никто из них не видел. Во время допроса за спиной у водителей сидела юристка Мосгортранса и следила, чтобы они верно отвечали на вопросы прокурора: бумажки со списком вопросов и ответов к ним она держала в руках.

Что именно напугало водителей, адвокату выяснить не удалось: все сказали, что никто из протестующих им не угрожал, опасных предметов в руках не держал. «Но страшно было все равно очень. Толпа всегда агрессивная, даже если не показывает этого», — пояснил один из водителей[3] и поблагодарил сотрудников ДПС, без которых «вообще не доехали бы».

Сотрудник ДПС[4] тоже давал показания в суде. Но тоже не видел Марьясова и не узнал его в зале суда. Пояснил лишь, что работал в центре Москвы, обеспечивая проезд транспорта в местах скопления людей. Некоторые, по его словам, выходили на проезжую часть. На вопрос адвоката Захватова, почему же они не задержали нарушителей правил дорожного движения, свидетель равнодушно ответил: «Мы на митингах не задерживаем, просто стоим, там же Росгвардия работает».

Первым свидетелем, узнавшим Марьясова в лицо, был нацгвардеец[5], прошедший мимо него в день акции:

«Видел его, был в сером пальто, белом шарфе. Я не особо запомнил, мне потом его на видео показали».

На белый шарф и серое пальто указывали и другие допрошенные — технические сотрудники Мосгортранса, которые отсматривают видеозаписи с городских камер наблюдения.

Одним из известных кадров с митинга 23 января в Москве стала фотография, на которой Глеб Марьясов одной рукой пытается поднять лежащую на земле девушку, а второй рукой прикрывает ее от ударов омоновской дубинки. На снимке хорошо видны серое пальто и белый шарф, которыми Глеб так запомнился свидетелям — во всяком случае, тем, кому следователи в ходе допросов указывали на активиста во время осмотра видеозаписей с митинга.

Глеб Марьясов (второй справа — в пальто и белом шарфе) во время митинга 23 января 2021 года. Фото: Александр Миридонов / Коммерсант

Сам шарф изъяли еще в феврале. «Очень бы хотелось, чтобы вернули, памятная вещь вообще-то, он у меня с кадетских времен», — говорит Марьясов. В Красноярске он окончил кадетский корпус.

На демонстрации, по словам свидетелей, Марьясов размахивал руками и громко кричал, тем самым призывая людей идти за ним и перекрывать улицы. Впрочем, сотрудникам Мосгортранса, отвечающим за

камеры слежения, пришлось признать, что призывов они не слышали, так как городские камеры не пишут звук. «Ну, там по контексту понятно», — настаивал один из таких свидетелей[6].

— Ну так как, шли за ним люди-то? Сработали его призывы-то? — спрашивал каждого допрошенного адвокат Захватов.

— Ну, не особо так шли, люди сами там ходили, — отвечали обычно свидетели.

С обыска на допрос

Последними в суде выступили двое протестующих-[7] — оба незнакомы с Марьясовым, но видели его 23 января. Оба тоже участвовали в акции, у обоих перед допросами следователи провели дома обыски и изъяли технику.

Они говорили в суде, что перекрывать улицы Марьясов не пытался. С одним из свидетелей — Александром Суворовым — активист стоял в сцепке. Это ему Глеб объяснял, что людям нужно уходить с оцепленной силовиками Пушкинской площади.

— Мы с ним стояли в сцепке, чтобы людей других защитить, я видел, там людей палками прям по головам били, кровь видел, — рассказывал Суворов, пояснив, что до митинга Марьясова не знал и даже на митинге с ним толком не познакомился, а имя его узнал от следователей на допросе.

Показания Суворова в суде заметно отличались от протокола допроса. В нем следователь записал, что это Марьясов предложил Суворову «встать в цепочку», тем самым «взяв на себя роль координатора».

— Я просто невероятно хотел спать, даже отрубился несколько раз, а [следователь] все спрашивал и спрашивал. Ну и я подписал все, что он хотел, — объяснял в суде Суворов, отказываясь от этих слов.

Спать молодой человек хотел, потому что перед допросом у него провели обыск, который длился больше четырех часов. Домой к нему пришли рано утром через месяц после акции 23 января.

— На вас оказывалось какое-то давление во время допроса? — спросил у него адвокат Захватов.

— Нет, не сказал бы, меня не трогали же.

— А как же обыск, это разве не давление на свидетеля?

— А, это. Ну, это в России уже в порядке вещей же.

Во время прений прокурор Ольга Алаева попросила суд признать Глеба Марьясова виновным и приговорить его к реальному сроку — 10 месяцам лишения свободы. 27 октября судья Екатерина Казакова назначила ему именно такой срок. По иску Московского метро и Мосгортранса активист должен выплатить всю заявленную ими сумму — около 2,7 млн рублей.

После оглашения приговора Марьясова взяли под стражу в зале суда.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Статья 267 УК (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения).
2. По решению суда Марьясову нельзя покидать квартиру с 20:00 до 8:00, пользоваться почтой, телефоном, интернетом и участвовать в массовых мероприятиях.
3. Таймураз Арчегов.
4. Николай Фролкин.
5. Ринат Хасанзянов.
6. Евгений Масленников.
7. Александр Молчанов и Александр Суворов.